

Р 556

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

№ 22 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“ МОСКВА, АВГУСТ 1934

СО СВОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рис. К. Ротова

ПОЛЕВЫЕ ВРЕДИТЕЛИ: — Наконец-то мы в хороший колхоз попали... В соседних прямо ужас: ни одного зернышка на поле не оставили...

ЗАКАТ КРИТИКА

В последнее время он разлюбил семейные вечера: за чаем, с женой, детьми и прабабушкой. Прежде, бывало, приходя с доклада, диспута, собрания, он погружался в сладчайшие, нежнейшие волны любования, почтения, умиленной преданности. Он устало растягивался на кушетке, дети дрались друг с другом из-за того, кому достанется честь расшнуровать его ботинки, жена гладила его волосы, а прабабушка все порывалась поставить ему горчицу и время от времени глухим, отрывистым басом произносила: «Великомученик! Стратотерпец!»... И все восторженно ждали, не расскажет ли он что-нибудь высокое, что-нибудь относящееся к той блестящей сфере великой борьбы, мысли, творчества, в которой он жил. Запинаясь, жена робко спрашивала:

— Скажи, дорогой... а как у тебя с этим, ну, как его? С Замгегельяном? Разоблачил ты его схоластические наскоки на тебя?

Но он морщился. Ему все надоело.

— Дорогой мой, — наставляла жена, — я понимаю, что ты устал и тебе трудно рассказывать. Но ответь ты мне хоть на один вопрос: чем окончилась твоя дискуссия с этой наглой группкой Помфейербаха?

— Папочка, а ты уже раскрыл глаза общественности на беспринципно-злые укусы Дискуссионки?

Но он молчал. И только после пятого стакана чая с вареньем он становился добрее и снисходительнее.

— А знаете, — лениво начинал он, — сегодня Отмежайтис предложил мне блок против Азбукиведова...

— Да что ты?! — радостно и тревожно вскрикивала жена. И все замирало. Как сыр в масле, купался его отстоявшийся ораторский баритон в волнах восторженного молчания.

— Коля Кареглазков и говорит: единство противоположностей. А тот ему отвечает: расщепление, мол, единого! Тут-то я и вмешался: отрицаю, говорю! Яша Психостэнник на меня накинусь:

— Да что отрицаете-то?

А я им и срезал: отрицаю, говорю, отрицание! Расщепляю, говорю! Ну, им и крыть нечем!

— Любимый мой, — не выдерживала жена. — Ты поступил очень идеологично!

— Ого! С нашей группой сейчас все больше и больше принужденно считаются.

— Еще бы! — почтительно шепчет жена. — Ведь у вас припасены цитаты на любого противника!..

— Н-да, — снисходительно улыбается он, — не буду скромничать! Рафаил Цитаторезник опять нарезал несколько дюжин свеженьких цитаточек, — на всякого хватит! Можно устроить хоть целый гегельбан!

Одним жестом он прерывает излишнюю радость и продолжает рассказывать... В комнате абсолютная тишина. Муха слышна, как полет «АНТ-14»... Все благолепно, умирно, уютно...

Но с некоторых пор уют его семейных вечеров начал рассеиваться. Дети приходили из школы. С ними начал врываться в квартиру какой-то новый, дерзкий ветерок. Дети стали задавать новые, какие-то странные вопросы. Их перестало особенно беспокоить общественные информации! Им уже недостаточно стало знать, что бывает класс восходящий и класс нисходящий! И что Лермонтов отразил протест среднепоместного дворянства против отчуждения своей социальной группы. Им хотелось знать, почему им нравится «Демон», хотя они и не среднепоместные дворяне! Их перестало

удовлетворять, что Лев Толстой — стихийный материалист, Алексей Толстой — механист, Олеса — субъективный идеалист, Фадеев — фейербахианец, Либединский — меньшевистствующий идеалист, Михаил Кольцов — пантеист с уклоном в скептицизм, Ильф и Петров — закоренелые шопенгауэровцы с оттенком нищенства, Борис Левин — феноменалист и релятивист с тенденцией к гомеопатизму, Архангельский — диник с уклоном в стоицизм, Аркадий Бухов — законченный буддист, а Михаил Пустынин — типичный эпикуреец. Им хотелось знать конкретные особенности творчества каждого из этих писателей, их отличия, их своеобразия!

Ему стало казаться, что он, непримиримый диалектик, родил каких-то сплошных эмпириков! Дети хотели знать факты, события, биографии живых людей!

Когда он в ответ на вопрос жены о колхозных фермах стал пространно объяснять, что такое «основное звено» как важнейшая категория материалистической диалектики, — он увидел нечто страшное. Он увидел, что его жена потупилась и покраснела! Он заметил, что второй сынишка лукаво переглянулся с первым, и оба фыркнули в кулак. Он услышал смущенный кашель прабабушки.

Он понял, что он на краю пропасти. Но он еще крепился. Он еще иногда пытался рассказывать:

— Иду сегодня, вдруг вижу — идет Ошибколовихин. Поговорили с ним о том, о сем — о категориях, о формациях, о субстанции, и вот...

Но его явно не слушали. Прабабушка глухо и отрывисто кашляла.

Но самое страшное было в том, что у него уже не оставалось вчерашних друзей и недругов. Энергичный Отмежайтис давно отказался и от группочек, и от школок, и от игры в гегельбан, он занят

был тщательным изучением конкретных проблем экономики. Ни о чем не хочет слушать, кроме фактов! Разумеется, завтра ему придется отмежеваться от своего очередного перегиба, но зато он впервые в своей бурной жизни узнает много интересных и совершенно конкретных вещей... Рафаил Цитаторезник занят мясозаготовками. Пять лет он резал цитаты и считался одним из столпов своей группы, сам оставаясь всегда в тени. Осторожность была главным и может быть единственным его свойством. Из осторожности за десять лет своей теоретической деятельности он не написал ни одной брошюры, ни одной статьи, не выступил ни на одном собрании. Он резал и резал цитаты.

Но вот его направили на мясозаготовки, он перестал резать цитаты и стал бодро резать кур и баранов. Помфейербах занят тяжелой машиностроением. Рассказывают, что тяжелая загрузка не помешала ему впервые познакомиться с трудами Людвиг Фейербаха... Азбукиведов, у которого в связи с окончанием групповой войны оказалось много свободного времени для теоретической работы, значительно расширил свои скудные познания, отдав себя изучению перипетий войны Алой и Белой розы... Яша Психостэнник и Коля Кареглазков ведут замкнуто-санаторный образ жизни. Словом, у каждого оказалась своя дорога.

И только он один, как некий Печорин, как «печальный Демон, дух изгнания», иными словами — как тот самый среднепоместный дворянин, который выражает протест против отчуждения своей социальной группы, ходит, пасмурно наморщив чело. Ему кажется, что всюду сидят эмпирики. Он не вполне доволен постановлениями о школе, о ликвидации Рапп, о преподавании истории... Он скорбит в душе о группках, школах, лидерах, блоках. И мы узнаем его! За ним целая история! Может быть, поэтому он и не любит историю, а любит только схемы? Мы говорим ему:

— Здравствуй, старый гуманный русский интеллигент!

Беда твоя в том, что познания твои скудны, как у Азбукиведова, абстрактны, как у Замгегельяна, что ты неустойчив, как Отмежайтис, неврастеничен, как Яша Психостэнник, самолюбив и кокетлив, как Коля Кареглазков, ленив и любопытен, как Цитаторезник (до мясозаготовок), и что ты так же не умеешь работать, как... — увь! — как Обломов, дорогой мой, как все тот же Обломов.

Мы узнаем тебя в разных обликах: в инженере, предпочитающем канцелярию цеху и шахте, в агрономе, предпочитающем плановый отдел живому зеленому полю, в писателе, предпочитающем тишь кабинета грохоту, гудкам, живым голосам действительности, в теоретике, предпочитающем серые и безличные категории и формации «вечно зеленому дереву жизни», в преподавателе, начинающем молодежь унылыми схемами, в литературном критике, продолжающем козырять диалектической терминологией вместо реального изучения диалектики литературы...

Мы узнаем тебя и в Отмежайтисе, бросающемся из одной крайности в другую, с биением себя в грудь, с пустыми обещаниями и клятвами...

Страна говорит тебе: надо работать!

«Встань, проснись, мужичок, ведь весна на дворе, ведь соседи твои работают давно!»

Или ты не узнаешь весну? В самом деле, оглянься вокруг себя! Ведь даже прабабушка не говорит уже тебе: «Великомученик!» У нее на язык наворачивается новая характеристика:

— Трепач, прости господи!

В. ЕРМИЛОВ

КОМФОРТ ДЛЯ МАСС

Рис. А. Пельца (Симпликус)

КЛАРА: — Наш город заметно улучшается. Раньше мы ночевали на булыжной мостовой, а теперь уже на асфальтовой.

Анти-Сарафаны

ИЛИ ПЕРЕВОРОТ В НРАВСТВЕННОСТИ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ЛЕТОМ ТЕКУЩЕГО ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА В ГОРОДЕ САМАРЕ НЕКОТОРЫМИ ТАМОШНИМИ ЛИЦАМИ И АДМИНИСТРАТОРАМИ

Предлагаемый труд вовсе не есть плод какого-нибудь «внутреннего побуждения».

Наоборот. Признаемся со всей необходимой для серьезного исследователя откровенностью, что проблема сарафана, как такового, за последние годы как-то незаметно выпала из поля зрения нашей общественности, что не могло, конечно, не привести при известном стечении обстоятельств и на отдельных участках к событиям столь же прискорбным, сколь и неожиданным.

Авангардные бои за нравственность начались в трамвае.

Все произошло тихо и благородно.

— Попрошу вас, гражданка, очистить вагон, — сказал кондуктор.

И случилось так, что гражданка вагон не очистила, а спросила о мотивах решительного сего кондукторского предложения.

Кондуктор огорчился.

— Гражданочка, честью прошу, выйдите. Из-за вас вагон задерживается. Из-за вас мы, того и гляди, из графика выпадем. Выходите пожалуйста, не рассуждайте.

— Почему? Мне же на работу надо.

— Рассуждает, — констатировал с огорчением кондуктор и позвал вагоновожатого. Тот возмущенно проталкивался сквозь густую толпу пассажиров. Вагон на глазах у публики трагически выпадал из графика. Атмосфера накалялась до предела.

— Гражданка, — вздрагивающим голосом сказал жокай, — русским языком вам говорят: лиц женского пола, одетых в сарафаны, нам возить не полагается. Выходите, что ли.

Упорствовавшую гражданку решительно взяли под руки и тихонько, больше для порядка, подталкивая в спину, высадили на пыльную мостовую.

Женщина в сарафане, тяжело вздохнула и собралась идти пешком. Но прямо на нее уже шел, помахивая квитанционной книжкой, сияющий милиционер, отважный товарищ Земсков, молодой красавец в каске.

— С вас штраф, — он оторвал квитанцию, — десять рублей.

— За что штраф? Почему десять? — упавшим голосом спросила несчастная.

— Будто не знаете. За сарафан. Раз навсегда сказано — нельзя по городу в сарафанах расхаживать. Вам только волю дай — женщинам — вы все в сарафанах ходить будете. Фи!

— Боже мой, — удивилась женщина, — почему нельзя ходить в сарафане? Ведь жарко.

— А вы по холодку ходите. По теневой стороне. А постановление горсовета не нарушайте. Горсовет, он лучше знает, что можно и что нельзя носить в нашу бурную эпоху.

Милиционер щелкнул каблуками, деликатно получил штраф, наспех козырнул и ринулся штрафовать показавшуюся вблизи девушку. На ней был приятный голубенький сарафан. И ровно через минуту этот вообще приятный факт обошелся ей в десять рублей. Правосудие торжествовало. Девушка плакала.

Поплакав, она вытерла покрасневшие веки и направилась на работу в Коммунальный банк.

В банке ее встретил громовый скрежет арифмометров, щелканье костяшек десятков счетов, приглушенный гул сотен голосов — очаровательная симфония начинающегося финансово-счетного дня.

И еще встретила девушку в голубом сарафане управляющую делами банка товарищ Соловьева.

— Ах, — сказала товарищ Соловьева и ужаснулась, — вы пришли в сарафане. Ах, какую аморальную змею я отогрела на своем бюсте! Чтобы это у меня было в последний раз! Во исполнение обязательного постановления горсовета с завтрашнего дня — ни одной женщины в сарафане во вверенном мне учреждении.

День прошел в заботах и неустанном труде. Работа затянулась до позднего вечера, и девушке в голубеньком сарафане захотелось поесть. Девушка направилась в ближайший ресторан.

Вход в respectable учреждение общественного питания заградил своим мощным организмом швейцар.

— Нельзя-с! — сказал он сочным баритоном. — Не имею никакого полного права пускать вас в ресторан.

— Нельзя входить в сарафане? — догадалась девушка и горько улыбнулась.

— Почему в сарафане-с? — галантно возразил работник двери и вешалки, — сарафан тут не при чем. Хоть в трусиках приходите, гражданочка. Не в этом дело. Без мужчины не приказано пускать. Женщину без мужчины после одиннадцати часов вечера в любой одежде не велено пускать. У нас ресторан нравственный. Порядочный. С подачей спиртных напитков.

Девушка покраснела, невесело улыбнулась и голодная поплелась домой.

Через несколько дней, двенадцатого июля, в газете «Волжская Коммуна» было напечатано сенсационное

«РАЗЪЯСНЕНИЕ МИЛИЦИИ»

По Самаре неизвестными лицами распространяются провокационные слухи о том, что якобы имеется обязательное постановление горсовета, запрещающее женщинам ношение сарафанов и др. платьев с открытой шеей и без рукавов.

Управление рабоче-крестьянской милиции разъясняет, что никакого обязательного постановления горсовет по этому вопросу не издавал, и все эти слухи являются сплошной выдумкой.

Ряд лиц, занимавшихся распространением этих слухов, органами р.-к. милиции задержан и привлекается к законной ответственности.

Пardon! А как же милиционер, штрафовавший за ношение сарафанов? А как же другой милиционер, предупреждавший всех проходивших мимо сада имени Горького женщин в сарафанах, что они с завтрашнего числа будут штрафовать в случае появления в этом безнравственном и недостойном эпохи одеянии? А как же администрация самарского отделения Госбанка и Коммунального банка, запретившая своим сотрудникам являться на работу в сарафанах? А как же ретивые вагоновожатый и трамвайный кондуктор? На основании чего они действовали??

Важно в конце концов даже не то что люди бросались усердно выполнять постановление, которого не было в действительности. Важно то, что в большом краевом культурном центре нашлось не мало ханжей, квакеров с партбилетами в кармане, которые считали возможным и целесообразным появление такого постановления.

Есть же коммунисты, есть же профорганизации в самарском Госбанке, Коммунальном банке, Ресторанном тресте? Что делали они? Принимали как должное нелепые ханжеские приказы администрации.

Переворот в нравственности, затеянный несколькими самарскими бюрократами и ханжами, не удался. Не по их вине. В интересах справедливости местные партийные организации должны оценить проделанную ими величественную работу. И воздать по заслугам. Чтобы было о чем вспоминать в долгие, скучные бюрократические вечера.

Л. ЛАГИН

СЛУЧАЙ В КОЛХОЗЕ

(ИЗ УЗБЕКСКОЙ ТЕТРАДИ)

Это было в колхозе «Янги-абад».

Было время окулки, когда все население покидает кишлак. Я бродил по желтым, пустым улицам. Есть какая-то невыразимая привлекательность в домах, которые на время оставлены людьми. На ковре стоят пиалы с недопитым чаем, лежат куски лепешек, кто-то забыл продолговатую свою тыкву с насваем — жевательным табаком. Пиалы сохранили еще теплоту кок-чая, теплоту рук и губ, прикасавшихся к ним. Невольно представляешь себе людей, сидевших на ковре. И так как язык, на котором говорят твои товарищи по социализму, тебе непонятен, ты мысленно объясняешься с ними на каком-то ином (только что выдуманном) языке... Я посетил школу и беседовал с отсутствовавшими детьми и учителями. В аулсовете под портретом Сталина и Икрамова стоял знамена, горячий ветер перебирал складки кумача, казалось, альби полотно рассказывали о замечательных победах. На единственном во всем здании правления колхоза столе лежали бумаги. Увы! — ни витые арабские буквы, ни латинский шрифт ничего не могли мне рассказать. И вновь на помощь пришло воображение. Я свободно читал рапорты, свод-

ки, донесения. Вокруг меня была новая, наша жизнь. Намного ли она отличалась от той, которую я знал, видел, изучал изо дня в день?

Так думал я, медленно двигаясь по теневой стороне кишлачной улицы. Солнце ослепляло меня, я видел только самые близкие здания, я видел одни лишь стены и фундаменты, верх и небо были отвоены неумными лучами. (Так, например, я сначала заметил дверь с бумажным объявлением на ней, а потом уже — синюю с оранжевыми буквами вывеску правления колхоза «Янги-абад»). Глиняные стены соединялись друг с другом, шли сплошной полосой.

Внезапно белый цвет нарушил однообразие.

Насколько было возможно я поднял голову и увидел мечеть.

Мечеть никогда, видно, не запирается. Моя рука легла на резные закованные двери. Они раскрылись. Под ногами зашуршала цыновка. Столбы света откуда-то сверху проникают в молитвенный дом. К деревянному столбу с перекладиной, к шести, напоминающему уменьшенную виселицу, прикреплен конский хвост, прикреплены разноцветные тряпицы — наивные молитвы верующих женщин...

Одновременно я услышал странные звуки и увидел старика. И тут только понял, откуда взялась галоши, которые я заметил у входа.

Старик сидел у противоположной стены. Это был древний, высохший старик в халате, тубетейке и чалме. На его коленях лежала книга. Пальцы одной руки ползали по строкам, перебирали слова. Другой руки не было видно. Я не сомневался, что звуки, которые я слышал, старик производил именно этой невидимой рукой.

Странные, сухие деревянные звуки. Мгновенно я подумал о «древнем», «загадочном» Востоке.

Я приближался к старику. Лицо его иссечено морщинами. Нос крючком. На груди распахнут халат. И эта согнувшаяся над книгой покорная спина!

Старик возникал двойко. Он возникал в воображении и наяву. Воображение опережало явь. Я приближался. Книга, лежавшая на коленях старика, переплетена в кожу (так представлялось мне), страницы ее желтели, они пахнут тленом и тем великодушным запахом столетий, который так привлекает нас к старинным книгам. Но вот я сделал еще один шаг и вдруг обнаружил, что книга совсем

не так стара, как я думал. Поля ее страниц вертикально разноразноцветны красными чертами. Откуда эти черты?

Как попал, как мог попасть в мечеть фолиант, который так похож на приходо-расходную тетрадь?

Мечеть была невелика, для долгих раздумий не было времени. Нескольких шагов — и я стоял над стариком.

Старик на счетах проверял трудодни своих товарищей по колхозу «Янги-абад».

Мечеть была самым спокойным, самым прохладным местом кишлака.

Мечеть пустовала, старик часто пользовался ею.

«Древний» Восток еще раз меня обманул.

После этого случая таинственные старики перестали меня удивлять.

Я знал — надо подойти к ним ближе.

И тогда окажется, что предо мной счетовод или калькулятор, он стучит костяшками счетов, он подводит итог трудодням.

Только всего.

ДМ. СТОНОВ

С О В Р Е М Е Н Н А Я Н О В Е Л Л А

ГОРДАЯ СИНЬОРА ИЩЕТ УДОБНОЙ ЖИЗНИ. ОНА ОТБИРАЕТ ДОМ У БЕДНЫХ ДЕТЕЙ. УЗНАВ О ПРИЕЗДЕ ЗНАТНОГО И ВЛИЯТЕЛЬНОГО СИНЬОРА, ОНА ПЫТАЕТСЯ СКРЫТЬ ЭТУ ИСТОРИЮ. ИСТОРИЯ ПОЛУЧАЕТ ОГЛАСКУ. ЧВАНЛИВАЯ СИНЬОРА НАКАЗАНА ЗА СВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ГОРЬКО РАСКАИВАЕТСЯ.

В XX веке в маленьком городке Мичуринске проживала одна прекрасная дама по имени синьора Белякова. С детства она отличалась чванливой и гордой натурой, отчего близкие к ней люди недолюбливали ее. Особенно она стала проявлять свой гордый нрав с тех пор, как, будучи женщиной умной и образованной, занялась государственными делами и стала главой городского совета этого города.

Город был невелик, и жители его — ремесленники, рабочие мастерских и садоводы — жили скромно. Синьора же Белякова, о гордости которой мы уже рассказали, возжелала жизнь свою обставить приятно и красиво. Будучи главой города, поручила она одному из своих приближенных, ведавшему благоустройством города, — синьору Гриценко — отыскать для нее лучший дом. Сей же синьор, будучи знатной синьоре многим обязан, замыслил хитрый, коварный план для выполнения ее желания. А надо вам сказать, что в городе Мичуринске было немного хороших домов. Был, однако, один дом, небольшой, но красивый, в котором располагалась школа для малюток, носившая чудесное имя: детский сад «Смена».

В один из дней, когда дети ремесленников и садоводов резвились на зеленой лужайке, примыкавшей к их дому, под'ехала группа всадников. Среди них была молодой мичуринский синьор Беляков, являвшийся братом гордой синьоры, и еще один статный рыцарь, в котором без труда можно было распознать возлюбленного мужа синьоры, славного кавалера Силантьева

Испуганная внезапным приездом столь именитых гостей, наставница детского очага добрая синьора Скороходова вышла навстречу, приветливо улыбаясь всадникам и любопытно узнав причину посещения. Но один из приближенных коварного синьора — Гриценко — толкнул ногой калитку и, ворвавшись в сад, повелительно приказал выбросить на улицу детей вместе со всей утварью и игрушками, которые в этом возрасте так веселят детский разум и воспитывают душу, не отягченную еще тяготами и заботами бременной жизни.

Добрая синьора Скороходова обратилась с мольбой к благородному

рыцарю Силантьеву, но сердце его оказалось столь же черствым, сколь непреклонно было и его решение.

И вот, представьте себе, прелестные синьоры, и вы, мужественные синьоры, как велико было огорчение детей и как герзал сердца наставниц плач малюток, когда в короткий срок им пришлось расстаться с любимым очагом и перебраться в одну из грязных улиц, в сырой подвал, где стены цвели зеленой плесенью. Туда поспешно сбросили кровати малюток, игрушки и, да простят меня нежные синьоры, детские вазы, столь необходимые в этом юном возрасте.

Слухи о побоище в детском очаге, об изгнании детей и о капризе гордой синьоры Беляковой распространились по городу. Ибо вы знаете, что хорошие вести медленно узнаются людьми, а дурная молва мчится быстрее лани. Узнав о том, что на прихоть гордой синьоры были истрачены большие средства (а надо вам сказать, что реставрация небольшого домика стоила 1400 рублей), жители города начали хулить гордую синьору, называя ее бессердечной и жестокой.

Случилось так, что в это время в город Мичуринск заехал известный синьор по имени Даннэль Сулимов. Узнав о приезде влиятельного синьора и боясь, что слухи о ее неблагоприятных поступках дойдут до его ушей, синьора Белякова повелела собрать малюток, которые давно уже не ходили в свой сад, и временно поместить их в комнатах военных казарм, приуважав их так, как будто они постоянно служат обителю детских радостей.

Однако, история получила огласку, переходя из уст в уста и вызвав всеобщую нелюбовь и презрение к синьоре Беляковой, служащие достойной карой за ее жестокосердие и чванство.

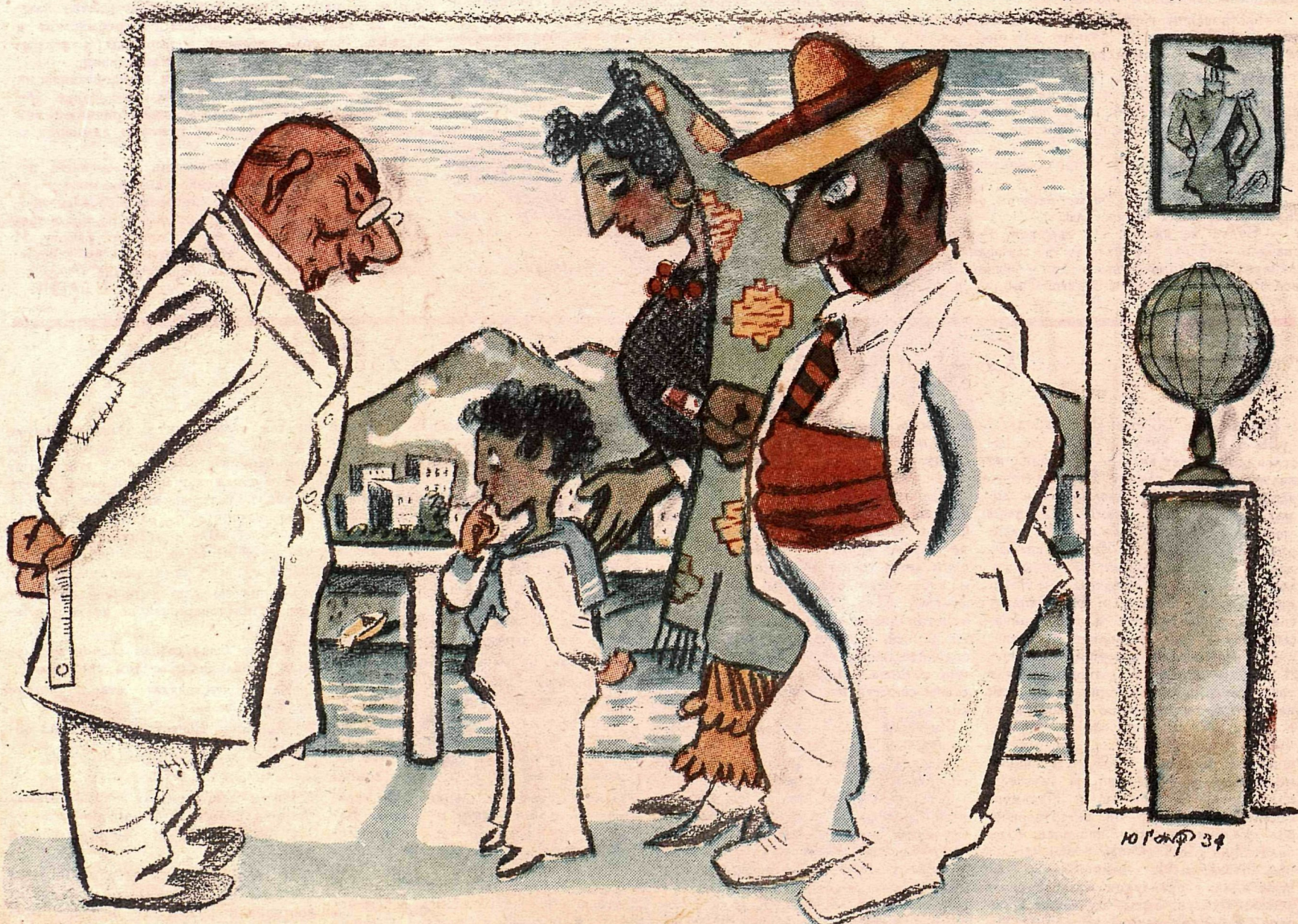
В предисловии к новелле сказано, что гордая синьора Белякова наказана и горько раскаивается. Это не совсем верно. Это сказано авансом. «Крокодил» думает, что комиссия партийного контроля накажет синьору по заслугам. А раскаяние — раскаяние, надо полагать, наступит незамедлительно.

БОР, КОВАЛЬ

СКРОМНАЯ ПРОСЬБА

Рис. Ю. Ганфа

В республике Перу полуграмотные учителя рассказывают детям вместо уроков сказки.

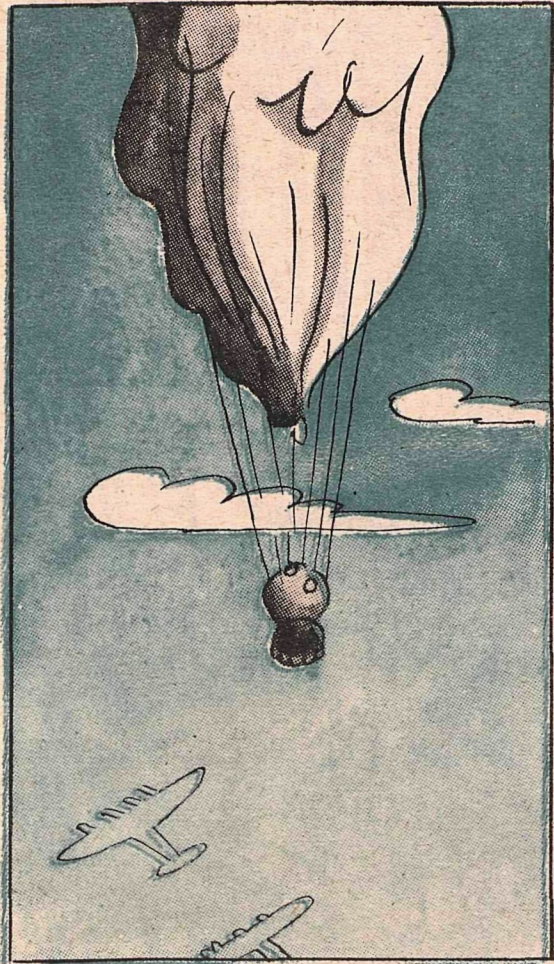

УЧИТЕЛЬ: — Я передам вашему сыну все свои знания...

МАТЬ: — А нельзя ли, кроме этого, еще выучить его читать и писать.

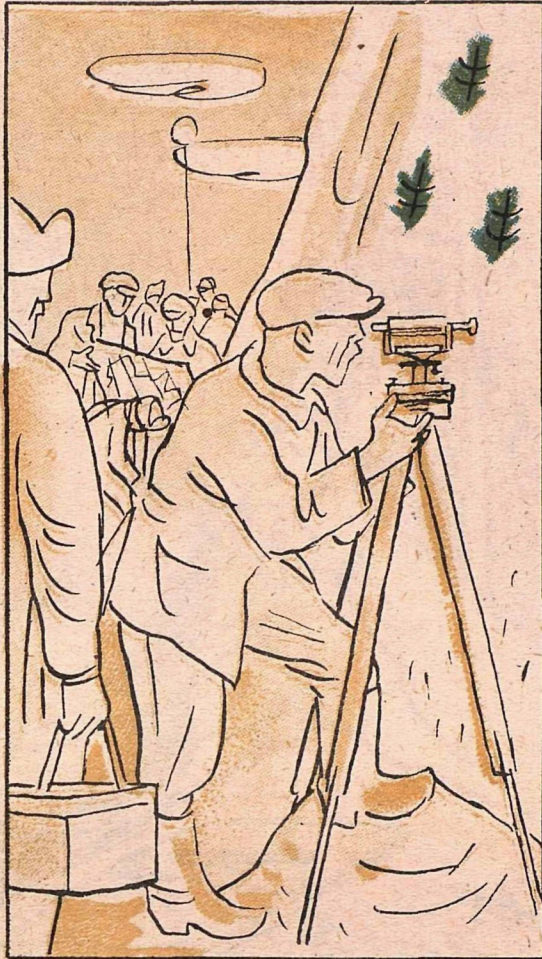
ПОСИЛЬНОЕ И НЕПОСИЛЬНОЕ

Рис. Л. Бродаты

1

Мы легко поднимаемся на недостижимую высоту...

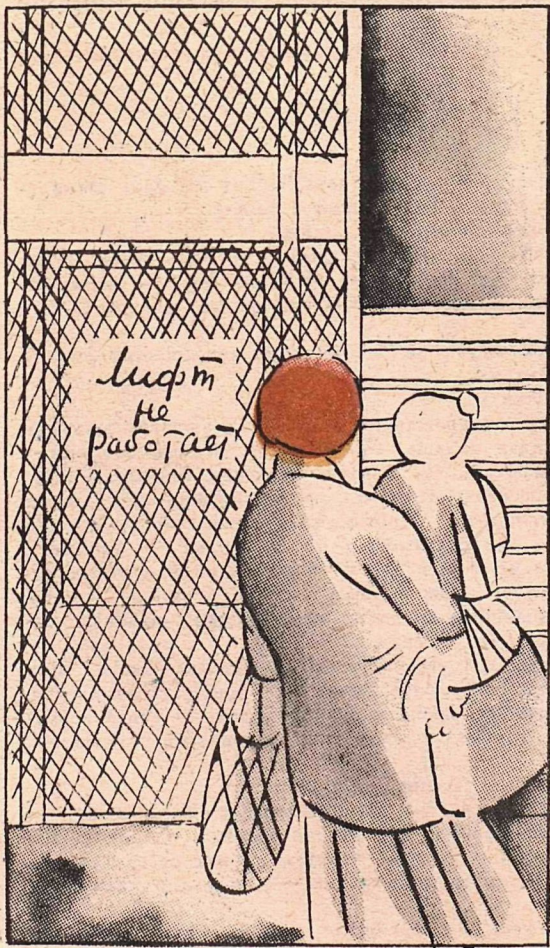
3

Мы зачастую делаем величайшие открытия...

5

Мы интересуемся историей царского двора...

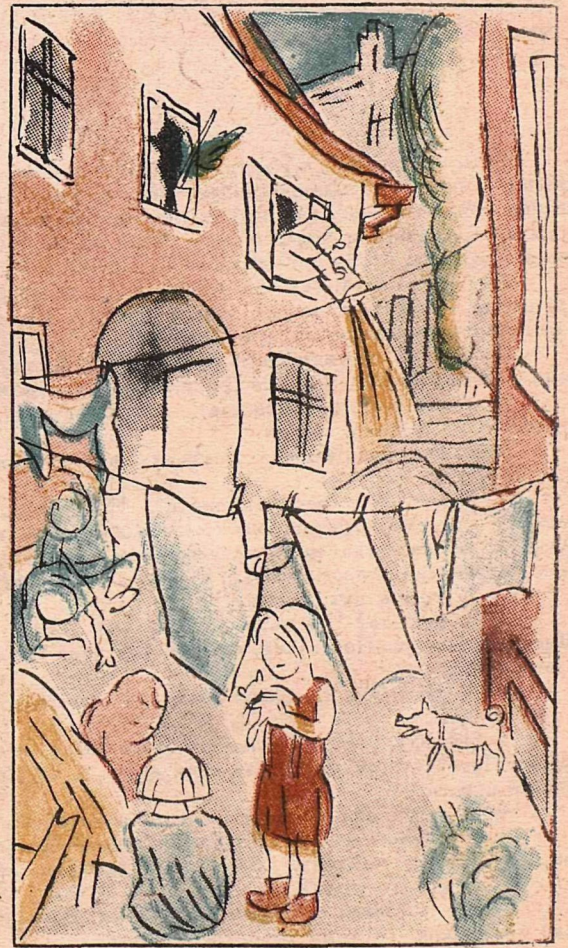
2

...И с громадным трудом поднимаемся на шестой этаж.

4

...И еще чаще не можем открыть парадного входа.

6

...И не замечаем историй во дворе своего дома.

5

ФАШИСТСКИЙ ПРОФЕССОР: — Боюсь, как бы и мне не пришлось скоро очутиться в роли учебного пособия

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Вечер. Пароход идет мимо мурманских лесов. Пассажир с висящими усами и большим эмалированным чайником, сердито пьет чай с давленной клубничкой. Около него, на палубе, куском теста вдавилась в плетеное кресло рыхлая гражданка и придерживает около жирного колена малолетнего курносого первенца, чтобы тот внезапно не утонул. Все-таки кругом вода. Опасно.

— Леса-то леса! — сквозь мокрые усы с сердитым восхищением говорит пассажир. — Тут-то, мадам, и есть история российская. Это вам не поллитграмма, а подлинный дух. История!

Гражданка непонимающе, но сочувственно вздыхает. Курносый мальчик в упор смотрит немигающим взглядом на пассажира с чайником.

— У нас тоже историю учат, — тихо говорит он, передвинув языком конфету, — помногу задают.

Пассажир язвительно улыбается и выплескивает чай из блюдца за борт.

— Какая же у вас история-то?.. Классные противоречия да мелкие гегели... Вот она наша история-то, — показывает он пальцем на прибрежные леса, — вот она где, наша матушка история таилась... Касимов — город, леса муромские непроходимые... Это, брат, понимать надо...

— А чего в них делали?

— В лесах-то? Что надо, то и делали. Здесь, брат, пьяные купцы из Касимова ездили. При каком, скажем, там царе Иван Васильиче, либо Иван Петровиче...

— А сам Иван Петрович что? — почтительно перебивает мальчик, — тоже ездил?

— Не ездил. Он в Москве на троне сидел. А купцы ездили. На подводах. Покладут товары, сверху сами сядут, а по бокам приказчики скачут. И все пьяные.

— А зачем они пьяные? — допытывается мальчик.

— Полагалось так. В те времена трезвый человек в лес не ехал. Какой расчет трезвому человеку, чтобы его в дремучем лесу резали?

— А кто их резал?

— Не приставай с глупыми вопросами, Васичка, — вмешивается рыхлая гражданка, — кому надо, те и резали.

— Разбойники резали, — спокойно подтверждает пассажир, наливая новый стакан, — полным полно их здесь было. Купцы ездят, а разбойники режут. Потому розничная торговля и шла плохо. А вообще жизнь была легкая. Люди без бухгалтерии жили: кто спасется, тот и довезет товар. А иной раз и купцы поймают разбойников и тоже прирежут.

— Прирежут? — опасно переспрашивает Васичка.

— Обязательно, — деловито подтверждает пассажир, — полиция-милиция тогда, брат, не было. Русский человек по своим правилам жил.

А надоеет купцам по лесу ездить — водой плавали. Тут мы одну станцию проехали — топили там их. Кого с лодки, кого с берегу.

— А зачем, — испуганно спрашивает мальчик.

— Как зачем? Я ж тебе историю рассказываю, а ты — зачем. Я не топил. Это, поди, лет пятьсот тому назад было. А то вот еще, — оживает пассажир, — обрыв в этих местах был. Кузькин обрыв, что ли. С него вдов в воду швыряли.

— Каких вдов? — тревожно и не без интереса откликается рыхлая пассажирка, скрипнув креслом.

— Разных. Которые шалили.

— А как они шалили? — дрожащим голосом спрашивает мальчик.

— Вырастешь, сам шалить будешь. Кровь в них играла, вот они и шалили. А кого из них поймают, — тех в воду. Попросту, без затей. Проще тогда люди жили. Эх, красотища-то какая, — восхищенно поглядывает он на берега, — леса-то, лесичи-то... Можно сказать, по истории российской плывем... Глядишь, как будто бы овраг обыкновенный — так себе, земля да травка, стандарт, а чего, чего тут не было... Людей в таких оврагах жгли. Привяжут к дереву и пожгут. Был человек, а наутро — угли.

— А они что? — сдавленным шопотом интересуется мальчик, уцепившись за материнскую плотную коленку.

— Ничего. Горели. Это, брат, теперь газеты, клубы да киоски. Чуть что — обследование. А тогда, брат, ширь была, просторы. Дух закалялся. История была. Ах ты, красота же, пропади она пропадом, — снова восхищенно смотрит он вдаль, — горы-то, горы-то... А вот видите, гражданка, два дерева на горе растут?

— Вижу. Очень прелестные деревья.

— И тоже, поди, исторические, — ласково улыбается пассажир, — читывал я, что поймают кого, возьмут вот этакое деревцо, попригнут их, привяжут к одному левую ногу, к другому правую, да как распустят...

— Мама, — внезапно всхлипывает мальчик, — пойдём в каюту... Я боюсь...

— Пойдем, пойдем, деточка, — вскакивает рыхлая гражданка и извиняюще поясняет пассажиру, — нервный он у меня. В отца. А у отца самого — печень.

— Это правильно, — бросает ей вслед пассажир, — теперь ребенок жидкий пошел. Истории — и той боится. Воспитанье! Тут, может, вон на этом месте людей с камнем на шею в воду спихивали, а он в каюту просится. Никакого духа — одно среднее образование...

Рис. Курьяникисы

Итальянский художник ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ. Временно менее популярен, чем Пчелин, но также имеет заслуги в истории мирового искусства. Вследствии сложной и запутанной фамилии некоторыми художественными критиками принимается за Рембрандта, а отчасти за Веласкеза, смотря по критике. Многие из его картин сохранились благодаря искусно наведенному на полотно лаку. (Попытки более современных художников лакировки содержания картин не гарантируют последним сохранения в истории искусства). Был ученым и мыслителем и не был членом МОСЭХ (Московский областной союз советских художников). Родился в 1452 году близ Флоренции, умер в 1519 году в г. Клу и похоронен в наши дни вульгаризаторами искусства.

Б Е З З А Д Е Р Ж К И

В полутемной прохладной лавке сельского кооператива было очень тихо и даже уютно. За прилавком примостился гражданин в кепке с необыкновенно длинным козырьком и писал что-то, опуская перо в баночку с густой настойкой из мух. Продавец беззвучно смотрел на единственную чрезвычайно рослую покупательницу, которая третий час не могла выбрать себе пудру и то тянулась к круглой коробке с названием «Киска», то к четырехгранной коробке с надписью «Дама пик». Жужжали мухи, обливая даже ширпотреб, лубяной товар и запечатанные коробки таинственного «кавказского фруктового напитка».

Заскрипели сразу ступеньки и чьи-то сапоги. Вошел человек в дождевике из такого грубого брезента, что сам человек казался распятым. Человек с неподражаемой провинциальной истовостью и неторопливостью снял картуз, оттер со лба пот и сказал:

— Семену Ивановичу почет и уважение.

— Матвею Михайловичу наше, — отозвался продавец, не отрывая глаз от покупательницы.

Последовало громкое, как пистолетный выстрел, рукопожатие.

Человек, распятый дождевиком, присел на фанерный ящик, свернул «собачью ножку», на что

ушло не мало времени, и тогда уже обратился к продавцу.

— Семен Иванович, а председатель ваш где?

— А вот он, — продавец, ловко вывернул кулак, большим пальцем ткнул в гражданина, писавшего за прилавком.

Председатель поднял голову и с достоинством сказал:

— Чего надо?

Посетитель в брезенте почесал себе шею.

— У вас еще на той неделе Струментов, Василий Пантелеич, в председателях ходил, — сказал он.

ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ

Рис. Б. Малаховского

8

ДВОРНИК: — Запаришься с этим конкурсом на лучший двор в Москве! Третий день откапываю метлу — и никаких результатов.

— Ну, ходил.
 — А они, выходит, после Струментова?
 — Ничего подобного. После Струментова был аккурат Продрыгин с Козьих Выселков.
 — А они, значит, потом?
 — Нет, потом не они, а Клевакин Сергей. А после Клевакина действительно да — они, товарищ Мышастый.
 — Какой тут может быть вопрос? — строго вмешался председатель. — Что надо, в общем и целом?
 — Они — плотники, они нам прилавки ставили, — пояснил продавец. Наверное, хочешь получить за работу?
 — Определенно. У меня была договоренность еще, значит, с товарищем Струментовым, что сегодня оплатят.
 — Старая договоренность отпадает, — оплатим не раньше седьмого, — сурово пояснил председатель.
 Горестно вздохнув, посетитель зашептал продавцу:
 — За что же снимают у вас председателей?
 — За все снимают. Струментова сняли как чересчур плохого, Клевакина сняли как чересчур хорошего — не по масштабу дадено назначение. Продрыгина сняли как чересчур неясного: может он справиться или нет.
 — А этого?
 — Этого назначить назначили как попавшего под руку. Как будут снимать, сейчас говорить не прихо...
 Покупательница громко вскрикнула. Все вздрогнули.
 — «Киску» давайте! Беру «Киску»!
 Продавец сплюнул.
 — Что ж ты людей пугаешь со своей «Киской»? Плати два двадцать. Пал Сафронич, получите за «Киску» два двадцать, у меня руки в дегте...
 Председатель, не глядя, протянул руку. Покупательница зубами развязала узелок на носовом платке, вынула оттуда и положила на ладонь председателю трехрублевую бумажку. Положила и вновь обернулась к пудре: не ошиблась ли в выборе?
 В этот момент ступеньки опять закричали. Вбежал веснучатый парень на необыкновенно коротких ногах.
 — Кто здесь председатель?
 — Чего надо? — отозвался председатель.
 — В райком требуют. Вот бумажка. Да скорее, я за вами на тарантасе.
 Председатель взглянул на бумажку, схватил бурый пиджачок, лежавший подле прилавка, и кинулся вслед за коротконогим парнем. А им навстречу поднимался гражданин с бельмом на левом глазу и большим животом.
 — Как же теперь насчет денег? — сказал плотник. — Где его найти теперь, вашего председателя?
 — Чего надо? — ответил вдруг гражданин с бельмом. — Я есть новый председатель.
 Плотник выпучил глаза. Но опытный продавец не растерялся. Тяжело вздохнув, он обратился к новому своему начальству:
 — Вот, товарищ председатель, они плотники, делали, конечно, нам прилавки. У них была договоренность с товарищем Мышастовым насчет седьмого числа.
 — Старая договоренность отпадает, — отрезал новый председатель с бельмом. — Пушай наведается восемнадцатого.
 В это время покупательница снова вскрикнула и, с трудом оторвавшись от изучения пудры, сказала:
 — Сдачу-то дадите, ай нет?
 — Какую тебе сдачу?
 — Как то-есть «какую»? Да я три рубля вам дала? А пудра-то стоит два двадцать!
 Продавец тряхнул головой:
 — Ведь верно... Вот оказия... Три рубля-то старый председатель еще получил, товарищ Мышастый... Как же теперь быть?
 Новый председатель с бельмом, разрубив воздух, решил:
 — Старая договоренность насчет пудры отпадает!
 Покупательница, на всякий случай зажав в руке коробку «Киски», гремела:
 — Жулье! Не кооператив, а жулье! Находу подметки режут!!!
 Продавец тшкетно успокаивал разбуянившуюся кокетку:
 — Вернем мы эту сдачу! Не такой человек товарищ Мышастый, чтобы замотать сдачу! Верьте совести, вернем!
 Плотник, оставив провинциальную неторопливость, скатился вниз по лесенке. Полы его чудовищного дождевика простилали по ступенькам, как палка о забор.

Рис. А. Топикова

— Сколько раз я тебе говорила: прыгай в окно, как все люди!
 Нет, надо ему рисковать — ходит по лестнице!..

СЛУЧАЙ С ПТИЦАМИ

Повсюду известен Иван Горбнов.
Его заслуги годами не стерты.
Недаром почетная кровь орденов
Горит на суровой его гимнастерке.
Он был на каторге и бежал.
Долго скитался в горах Акатуя.
Он был на фронте — и не дрожал,
Любого противника в лоб атакуя.
Торгпредом за морем работал он:
Поставил дело довольно чисто
И выторговал не один миллион
У этих хищных капиталистов.
А ныне он прибыл к родным берегам.
И вот этот мощный товарищ, ребята,
Прямо из центра едет к нам
Начальником нашего комбината.
По этому поводу форды рычат,
Моторы бензином напоены вдосталь,
И десять товарищей едут встречать
Вновь назначенное руководство.
Дорога на станцию — лесом.

А в нем

Дятлы стучат, как винтовки в тире.
Крепчая в голосе с каждым днем,
В нем птицы власть целиком захватили.
Ветер на листьях играет с утра, —
На звучных зеленых клавишах мая,
И мчатся пернатые тенора,
Любовные арии распевая.
Только и слышишь:

«цью-и!
дзю-ди!»

Только и видишь:
сверкают пташки.

И очень сурово на них глядит
Наш дорогой управдел Рубашкин.
— Начальство прибыло, —
шепчет он.

(А пташки:

«фьюнт!
цью-ци!
ци!»)

А здесь природа со всех сторон
И никаких следов индустрии.
Пичуги по синему небу скользят,
Птенцы, подрастая, орут на ветках.
Это же просто поверить нельзя,
Что здесь же,
рядом —
гигант пятилетки.

Хотя бы заборчик воздвигли тут,
Хотя бы плакаты пустили в дело!
А пташки?

А пташки сверкают, поют,
И утро не слушает управдела.
Меркнет последней звезды слеза,
Выходит солнце обычным рейсом,
И мчится поезд, словно гроза,
Плотно посаженная на рельсы.
На миг у станции гаснет огонь его,
Стихает гром, замирает бег,
И словно пуля, из чрева вагоньего
Грозный прыгает человек.
В сравнении с портретами — он похудел.
Спокойным взглядом глядит кругом он.
И следует взгляду его управдел,
С ужасом слушая
птичий гомон.

И он уже чувствует нюхом беду.
Но новый начальник от солнца тая,
Вдруг говорит:

— Я пешком пойду,

Пойду и с птицами поболтаю.
И он идет сквозь весну и гам,
Этот подпольщик,
партиец,
воин!

— Здравствуйте! —

Он говорит щеглам,
И они отвечают ему по-своему.

И он запекает им песни свои.
И песне, и радости человеческой
Вторят застенчивые соловьи
На соловьином своем наречьи.
Такой поднимается звон и сверк,
И лес запекает в десяток глоток,
И птицы искусно взлетают вверх,
Как самые лучшие самолеты,
С высокой точки глядят на жизнь,
Купаются в воздухе верхнем, чистом,
Как самые лучшие парашютисты.
А он бросает им крошки хлеба,
И они, родившиеся огнем,
Они, возникшие сгустком неба,
Взлетают к небу
и тают в нем.

Так мы идем.

А кругом весна.

И начальник говорит:
— Ребята!

Я птиц в Сибири не мало знал,
И птицы знали меня когда-то.
Я слушал их на заре, в лесу,
Беглец с далекого Акатуя.
Я полюбил их не за красу,
За песню дружескую такую,
Которая спутником мне была,

Вела по лесам, по чащам буграстым.
А нынче —
а нынче пришли дела,
И птиц приходится слушать не часто.
И он и мы замолчали тогда,
И в тишине управдел Рубашкин
Понимающе крякнул:
— Да.

Оно конечно. Летают пташки.
И он вздохнул.

Но напрасен был

Этот сочувственный вздох управдела.
Начальник о птицах как-будто забыл
И очень сурово взялся за дело.
О ходе работ он расспрашивал нас,
И, даже не отдохнув с дороги,
Пошел в контору.

И через час

Вынес Рубашкину выговор строгий
За то, что работа его плоха,
За то, что ответа нельзя добиться.
Грустил Рубашкин.

А в облаках

С веселым смехом
Трудились
птицы.

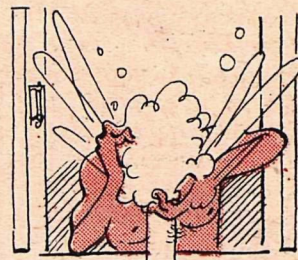
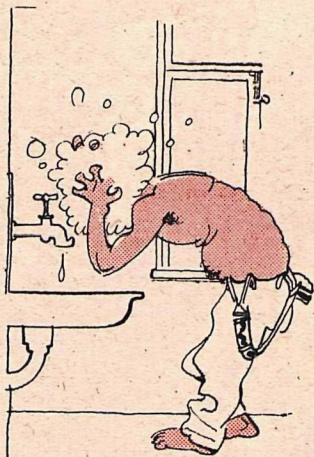
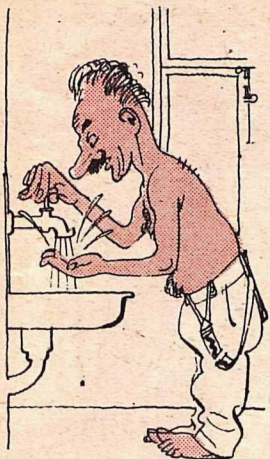
ВИКТОР ГУСЕВ

Д В Е М О Д Е Л И

Рис. М. Храпковского

Модель будущего самолета и великолепная модель будущего летчика.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Как известно из истории коммунального хозяйства, когда дворники начинают поливать улицы, — вода перестает литься из кранов. Ни просьбы ни угрозы в этих случаях не действуют. Рекомендательные записки тоже. Грудящийся в некрасивой позе стоит в мыле около умывальника, говорит нехорошие слова и мучается. Для того чтобы этого не было, я предлагаю следующий способ утреннего умывания, изложенный мной в четырех рисунках. Способ может быть скромно назван „Низовая струя“, или для красоты „Ниагара на дому“.

Ст. Клязьма, Сев. ж. д.

Н. РОТОВ

САРАНЧА

В сводках, которые заполняются совхозами, есть пункты и параграфы о дождях не ко времени, о падеже скота, о засухе, грызунах и т. д.

Но ни в одном из многочисленных пунктов совхозной сводки вы не нашли бы упоминания о новом виде стихийного бедствия, с особой силой поразившем совхоз Коротыгино, Северного края, Грязовецкого района.

Сездила как-то одна комиссия из союзного объединения в совхоз, прогулялась по фермам, составила акт, пообедала в совхозе, поужинала, выпалась всласть и вернулась к месту службы — Проводили гостей! — беспечно улыбались работники совхозов и совсем уже собрались приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей, но задержались, так как к совхозу подезжала уже вторая комиссия.

Вторая комиссия тоже пообедала. Тоже прогулялась по фермам. После прогулки повела допрос о том, нет ли поблизости ставочка, где бы можно было искупаться. За вечерним чаем комиссия дружески уговаривала дирекцию «во всем без утайки сознаться». Затем отошла ко сну и утром после завтрака, взяв у всех работников совхозов подписку о невыезде, уехала.

Третья комиссия не заставила себя долго ждать. Она вторглась в совхоз на исполкомовском форде. Распорядительный секретарь комиссии повесил тут же на дверях директорского кабинета листок с надписью: «Комната допроса». Допрашивали директора. Приступили также к опросу остальных работников. Но помешал ужин. После ужина начали писать акт. Не дописали и отошли ко сну.

Утром, когда проводили из совхоза третью комиссию, директор оторопело сказал начальнику политотдела:

— Да что же это делается, тов. Харитонов? Вот убей меня, не пойму, чего им от нас надобно, по какому делу ездят и какие вопросы выясняют?

— Поведились! — угрюмо ответил начальник политотдела, — ладно, посмотрим, что дальше будет!

Дальше приехала четвертая комиссия. Занесло ее прямо к ужину. Ну, поужинали члены комиссии и подробно начали спрашивать у руководства о видах на урожай в совхозе. Узнав, однако, что совхоз не зерновой, перевели разговор на тему о... женевской конференции. Утром допрашивали дирекцию, завтракали. Акта комиссия не успела написать, так как время было уже обедать. А в заключение, облизываясь после сытного совхозного обеда, комиссия авторитетно заявила:

— Тут сразу всего не охватишь. Придется как-нибудь еще к вам заехать!

Исполкомовский фордик, пыхтя, увез комиссию в город.

— Да чего им охватывать-то у нас, я не понимаю, в самом деле! — расстраивался директор совхоза.

Его позвали к телефону.

— Алло! Звонит Вологда. К телефону директора.

— Слушаю. Отвечает директор Мезенев.

— Говорит член комиссии Маслотреста, вместе со мной в гостинице находится член комиссии Исследовательского института. Прошу дать машину, так как срочно поручено трестом сделать обследование вашего совхоза.

— Слушаю...

Директорская машина убежала в город за комиссией. К вечеру представители прибыли к месту «происшествия». Здесь они поужинали, переночевали. Акт был у них составлен еще накануне, в городе. Оставалось только подписать... Между тем на дороге звенели уже бубенцы шестой по счету комиссии. Стихийное бедствие росло, ширилось.

И совхоз применительно к бедствию перестраивался.

Уже при входе в столовую адела лента с приветствием: «Т. комиссиям добро пожаловать!»

Девять ударных блюд всегда готовы к приезду очередной комиссии. Выделены также запасные блюда на случай скрещения в совхозе нескольких комиссий. Такие случаи все учащались.

Автомобиль совхоза курсировал теперь, как автобус, по линии «совхоз—город—гостиница, гостиница—город—совхоз». Совхозные лошади развозили членов комиссий. Кого в Грязовец, кого в Минькино. В дирекции уже мусолили вопрос о постройке интерната для приезжающих комиссий с парикмахерской, прачечной, яслями.

Комиссии циркулировали.

— Товарищ Рюмочкин, — говорил своему секретарю председатель очередной тридцать седьмой комиссии, — запишите: «Комиссией с несомненностью установлено, что совхозом приступлено к сенокосу. В совхозе имеются специалисты и прочий инвентарь. Остальное выясняется». Записали?..

Сорок пятая комиссия посылала через почтовое отделение Панфилово срочную уборочную в свое ведомство.

«Наш вопрос возможности выпадения дождей также причина таковых скобки дождей директор Мезенев дал уклончивый ответ снимая себя ответственность состояние погоды тчк Подозреваем самотек. Комиссия».

— Эй, послушайте, директор, почему у вас мухи в помещении, они кусаются, директор, ведь это не гигиенично, директор! — заявляли претензию члены пятьдесят первой комиссии.

Пятьдесят пятая комиссия подехала прямо к сенокосу.

— Братцы! — обращался председатель комиссии к бригаде совхозных рабочих, — что же это вы, братцы, а? Как же это?! — А что?

— Да ведь в совхозе у вас, говорят, такое ай-яй-яй!

— Да что такое?..

Полтора драгоценных часа беседовал председатель этой комиссии с массами на сенокосе. Массы покорно простояли полтора часа, сложив за спиной рабочие руки. Потом комиссия направилась к столовой.

Шли дни. Декады. Месяцы.

Вот уже, вздымая на дороге облачко пыли, подезжала на совхозной машине пятьдесят девятая комиссия. Уже шофер причалил к столовой, уже председатель потирает руки:

— Ну-с, товарищи, комиссия, прежде всего, как полагается, перекусим, а уж затем...

... Затем эта комиссия, не перекусив, не допросив никого, не погуляв по фермам, ушла пешком из совхоза в город.

— Житьишко им было! — смеялись рабочие совхоза вслед удалявшимся, — что суточных, что гостиничных истреблено, пожили!

— И житья от них не было, — радовалась вместе с рабочими дирекция, — хорошо, что комиссия партийного контроля вмешалась!

Солнечный веселый трудовень встал над спасенным от бедствия ни в чем не повинным передовым совхозом. В небесах над совхозом жаворонок парит, такой же беспечный и безразличный к делам земным, как прокуроры Грязовца и Вологды.

Л. МИТНИЦКИЙ

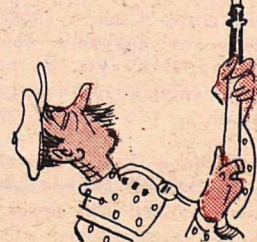
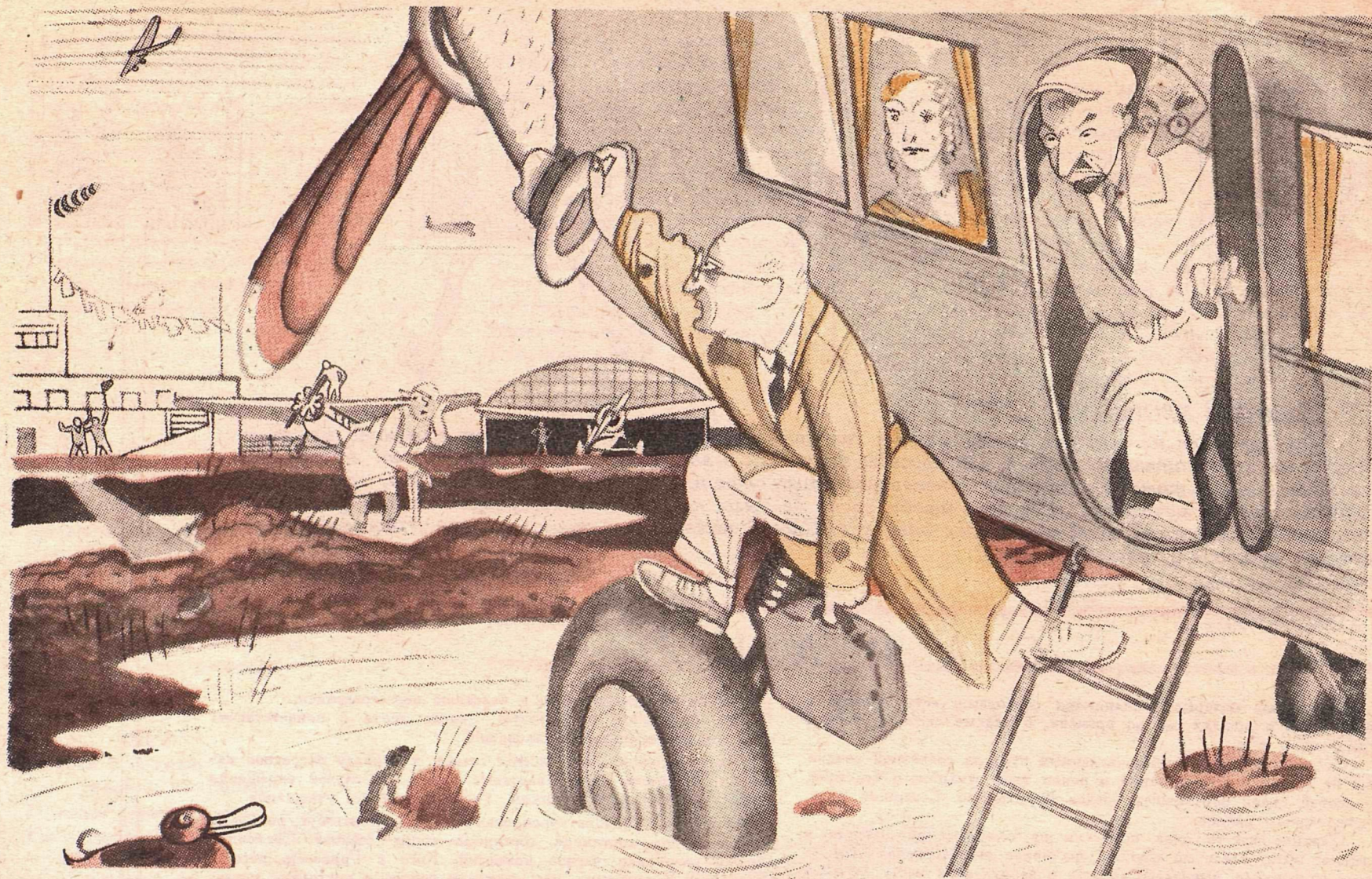

Рис. К. Ротова

ОПЫТНЫЙ ПАССАЖИР: — Держитесь, начинается самая страшная часть авиопути — от аэродрома в город!

ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Чаще всего привидения обитали в старинных рыцарских замках. Зарегистрированы, правда, случаи систематического посещения ими и заброшенных сельских мельниц. Почему из всех видов предприятий привидения удостаивали своим вниманием именно мелкие законсервированные пищевые предприятия, — остается тайной по сей день.

Факт остается фактом. В определенные календарные сроки, всегда ровно в полночь и пунктуально после двенадцатого удара дребезжащих кладбищенских часов двери замка (или заброшенной мельницы) с еле заметным скрипом раскрывались. Вся кубатура наполнялась голубоватым светом, и бледная тень прекрасной деви (или старого рыцаря, что, впрочем, в данном случае особенной роли не играет) бесшумно проходила через помещение по раз навсегда проложенной трассе.

К привидениям привыкали. Больше того, изучали их привычки и старались им по мере возможности потрафлять. С веками выработывались и эффективные меры против привидений. Говорят, очень помогало, если привидение встречали крестным знаменем, пением псалмов или чтением протоколов. Этого не выдерживали даже привидения. Даже самые закаленные. Привидения уходили и больше не возвращались.

Оговариваемся. Все это происходило в стародавние времена. Задолго до того, как скончалась гражданка Изотова Л. Ф. А умерла она ровно год тому назад.

Десятого августа 1933 года Лукерья Федоровна Изотова, дворница детских яслей № 86, приказала долго жить. Смерть свою Лукерья Федоровна приняла от крупного рогатого скота. Ее забодала корова. В Калуге. Во время пребывания у сопшей в законном очередном отпуску. Был, так сказать человек и, так сказать, не стало человека. Аналогичное явление, естественно, произошло и с паспортом покойной. Был, так сказать, паспорт и, так сказать, не стало упомянутого.

Гражданку Изотову, как покончившую все счеты с жизнью, приведенное обстоятельство ни в какой степени, понятно, не трогает.

Лежит себе Лукерья Федоровна на тихом калужском кладбище. Кругом деревья всякие. Цветочки. Птички поют. Благоприятное и удобное условия успокоения бранных останков Лукерьи Федоровны, мятущая тень последней время от времени покидает идиллическое калужское кладбище и неслышными шагами направляется в Москву. В Сталинский район. На Электроводскую улицу, дом № 12. К прежнему месту службы. В детские ясли № 86.

Справедливость требует отметить, что тень Лукерьи Федоровны являлась к заведующей яслями в традиционное время — в полночь. Товарищ Молоховская, — взывало привидение к заведующей и заламывало руки, — товарищ Молоховская, выпишите меня из домовой книги. Уважьте правила прописки и выписки.

Но заведующая яслями тяжело металась в постели и что-то глухо бормотала сквозь сон.

А на утро являлся милиционер из 31-го отделения Московской милиции.

— Гражданка Молоховская, — взывал милиционер к сознательности заведующей яслями, — вы что же думаете — это вам шуточки? Ведь под суд пойдете. Шуточное дело — целый год не выписываете гражданку Изотову Л. Ф. Стыдитесь, товарищ Молоховская! А еще партийная!

— Так ведь я к вам в отделение уже который раз хожу. А вы все не хотите выписать.

— Мы, гражданка, потому не выписываем, что без паспорта. Вы нам для выписки обязательно паспорт гражданки Изотовой представьте.

— Боже мой! Да ведь я вам который раз объясняю: гражданка Изотова померла. В городе Калуге. Во время отпуска. Поехала в отпуск и померла. Где же я вам ее паспорт достану. Не в Калугу же я за ним поеду.

— Это уж как вам угодно, — сухо отвечал милиционер, — но только без паспорта мы гражданку Изотову не выпишем. А вас, конечно, оштрафуем.

Так в оживленной дискуссии на административно-финансовые темы прошло десять месяцев. А 14 июня сего 1934 года участковый милиционер товарищ Соколов явился к осатаневшей от правил прописки и выписки заведующей яслями особенно натянутый и торжественный. После краткого обмена мнений по существу интересующего нас прецедента участковый милиционер огорченно заявил, что хотя он и ударник 17-го съезда и даже имеет на это соответствующий значок, но против приказа начальника 31-го отделения милиции он, к сожалению, итти не может. А по сему он, Соколов, вынужден составить протокол о злобной невыписке гражданки Изотовой из домовой книги вверенного гражданке Молоховской домоуправления и потребовать с оной пятьдесят рублей штрафа. Чтобы впредь повадно че было.

Товарищ Молоховская, как человек партийный и дисциплинированный, против милиции не пошла, штраф уплатить согласилась, но при одном условии. Если ей объяснят, что же ей надлежит предпринять в дальнейшем, чтобы наконец отметить выбытие у сопшей Изотовой из числа жильцов детских ясель.

Так как требуемого разъяснения заведующая яслями не получила, то и штраф ею уплачен не был. Тогда 31-е отделение отобрало от нее подписку, что по первому требованию она обязуется явиться отбывать исправительно-трудовые работы.

Отбудет товарищ Молоховская исправительно-трудовые работы. Потрудится, но не исправится. Все снова потечет по-старому. Снова будет приходиться участковый милиционер и требовать выписки Изотовой из домовой книги. И снова будет рваться над яслями № 86 измученная тень Лукерьи Федоровны. И тщетно будет она требовать, чтобы ее вычеркнули из списка жильцов. Ибо паспорт ее не в Москве. Ибо чорт его знает, где ее паспорт. А без этого 31-е отделение не дает успокоиться ее многострадальной тени.

Мир праху твоему, бедная труженица!

И. БУШУЕВ

ШИРОКИЙ ЖЕСТ

В Кентерберийском соборе в Лондоне, посещаемом преимущественно аристократией, введен сбор с молящихся в пользу безработных.

Рис. Л. Бродаты

— Следующий раз, Джордж, мы встретимся в Кентерберийском соборе. Надо же хоть чем-нибудь помочь безработным...

Разные факторы действуют на труд. Одни утверждают, что музыка вдохновляет рабочих и способствует повышению производительности труда.

Есть сторонники другого течения, — они предпочитают не музыку реальных звуков, а музыку благоуханий.

Есть и третье течение. И музыка, и цветы, а вместе с ними и организация труда. Поборник этого течения — московский Центральный институт труда. Сейчас выясняется, что имеется еще и четвертое течение, представленное режиссером Украинфильма Арнольдом Владимировичем Кордюмом.

Арнольд Владимирович Кордюм, режиссер Киевской кинофабрики, расставил перед каждой монтажницей... свой собственный портрет.

— Пусть смотрят на меня и вдохновляются!

Насколько эффективным оказался такой способ организации труда монтажниц — нам неизвестно. Одно только можем сообщить нашему читателю, что сам Арнольд Владимирович, глядя на свой портрет, настолько вдохновился, что сдал картину «Незабываемые сигналы» вместо сентября 1933 г. — 10 июня 1934 г. и перерасходовал лишних 150.000 рублей и 7.500 метров киноплёнки.

Пытливый читатель вправе нас спросить, в какой связи находится перерасход по картине с новым способом организации массового творческого вдохновения киноработников.

Предоставляем это разрешить самим читателям. А для того, чтобы в свою очередь вдохновить читателей на этот тяжкий труд, мы охотно помещаем портрет Арнольда Владимировича во весь рост.

Приближается новый учебный год. Уж сейчас совершенно очевидно тяжелое положение с выпуском наглядных пособий. На этом фоне — предложение тт. Гонтырева и Мадорского приобрести важное значение.

Выработанный ими

„Единый план работ по технической информации и социалистическому обмену производственным опытом Бюро технической информации, Центральной технической библиотеки, заводского бюро ИТС, завкома Раттап автозаводского об-ва за овладение техникой (ЗОТ), автозаводского общества рабочих изобретателей (ВОИЗ) и завкома комсомола на III квартал 1934 г. в местном разрезе“ (см. рисунок 1) легко может быть использован как наглядное пособие.

Этим планом (размер 47 §§×14 §§) можно решать «любые арифметические задачи: «От земли до луны расстояние...» или «Чтоб опоясать земной шар, необходимо...»

К сожалению, в нашем распоряжении нет портретов авторов этого единого плана. Мы можем только указать, что эти портреты наглядно убедили бы наших читателей, как малы и ничтожны оба автора по сравнению с планом, который они сами породили.

За отсутствием портретов мы вынуждены ограничиться помещением рисунка аппарата, при помощи которого был создан план.

Рис. 1. изображает „План технической информации ГАЗ на III квартал в местном разрезе“.

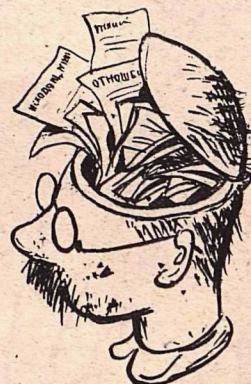

Рис. 2. дает в разрезе аппарат, при помощи которого был составлен вышеуказанный план.

РАЗГАДЫВАНИЕ МЫСЛЕЙ НА РАССТОЯНИИ

Нечего особо доказывать, что всевозможные сеансы разгадывания мыслей на расстоянии в лучшем случае не что иное, как достижение мнемоник. Чаще всего это — беззащитный обмен и спекуляция на слепом доверии уважаемой публики.

Другое дело — способ разгадывания мыслей на расстоянии, практикуемый отдельными работниками Наркомхоза. Этот способ заслуживает внимания, хотя бы потому, что Наркомхоз разгадывает мысли на расстоянии 5 с лишним тысяч километров и к тому же вперед на 8—10 лет.

Сидя в Москве, на Варварке, работники Дорожно-транспортного управления Наркомхоза видят, как в далекой Сибири, в Иркутске, курсирует трамвай, как он включается во всеобщий конкурс, как выполняет кон-

курсные показатели, хотя в Иркутске никакого трамвая нет, — он проектируется только в третьей пятилетке, — хотя сам Наркомхоз вычеркнул из контрольных цифр ассигнование на постройку иркутского трамвая. Но Наркомхоз из Москвы уже сейчас отправил в Иркутск материалы по конкурсу на лучший трамвай.

Освоить предложенный работниками Наркомхоза способ разгадывания мыслей на расстоянии не составляет особого труда. Как нам передают, иркутские товарищи не остались в долгу перед своими столичными шефами, и в короткий срок добились некоторых успехов: им оттуда, из Иркутска, отлично видно, как в Наркомхозе через некоторое время успешно ликвидируют бумажно-бюрократические методы руководства местами.

СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЙ БЫК

Характер нормального, так сказать, стандартного быка изучен детально и исчерпывающе. Бык как таковой в редких случаях является загадкой природы. Даже если он и проявляет слишком бурный темперамент. И меры воздействия против него не предусмотрены ни в законодательном, ни в административном порядке.

Тем не менее президиум Ахматского сельсовета (Немреспублика) внес следующее постановление о быке «Вулкане»:

ПРОТОКОЛ № 19

Заседания президиума Ахматского сельсовета

СЛУШАЛИ

§ 3. О колхозном быке „Вулкане“, об исключении его из стада, как безнадежного.

ПОСТАНОВИЛИ

Предложить правлению колхоза принять соответствующие меры, уволить из стада, как социально опасного (пыростый), чтобы не допустить жертв пастухов и в отдельности обслуживающих колхозников.

Председатель Гончаров.
Секретарь Тацаров.

Теперь остается выяснить только одно: как именно уволен социально опасный бык, — с выдачей двухнедельной компенсации и сохранением отпуска или в порядке кампанейской борьбы с пыростостью. Остальное все ясно.

ДОРОГОЙ

П И С Ъ М А

Дорогой Крокодил!

Редакция газеты «Легкая индустрия» (сокращенно «ЛИ»), задавшись целью познакомить своих читателей с техникой нового в СССР производства искусственной кожи, поместила в № 126 фотографию «ролл-машины для размола сырья на заводе искусственной кожи в Одессе».

Однако, вопросы производства искусственной кожи оказались, к сожалению, для редакции «ЛИ», призванной специально заниматься легкой промышленностью, столь же сложными и темными, как для некоторых редакций вопросы «Тяжелой воды»...

Редакция выдала снимок тряпковарочного котла за ролл-машину для размола сырья.

Такого рода «информация» вызывает улыбки не только у работников кожсуррогатной промышленности но и вообще у

мало-мальски грамотных технически людей.

Ибо вопросы кожсуррогата отнюдь не следует разрешать путем... фотосуррогата.

Группа ИТР треста Кожсуррогат:
СОКОЛОВ, ШВЕЛЬКИН, ШТИЛ-ЛЕР, РОНИН.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Между станциями Малая Вишера и Окуловкой Окт. ж. д. курсирует рабочий поезд № 650.

Несмотря на то, что поезд этот рабочий, — рабочему «в поезд ходить нельзя».

Пассажиры устраиваются на буферах и на подножках, а вагоны для пассажиров недоступны.

В составе поезда — всего три вагона, и все — детский!

Несмотря на многократные ходатайства рабочих, начальник станции не соглашается

прицепить к этому поезду еще три вагона для взрослых.

Может быть, ты, дорогой Крокодил, сумеешь прицепить эти три вагона к рабочему поезду № 650.

Давно пора изменить состав этого поезда, а заодно — и состав жел.-дор. служащих на станциях М. Вишера и Окуловка.

РЯБКОВ.

М. Вишера, Окт. ж. д.
Ленингр. обл.

Дорогой Крокодил!

Доехав до Ростова, мы решили сократить путь, пользуясь указаниями карты путей сообщения СССР, изданной Укросводом (Харьков, 1933 год).

Издание — официальное.
«Перепечатка воспрещается».

ПЕССИМИЗМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Ровно двадцать пять лет тому назад в специальном «воздухоплавательном» номере «Сатирикона» поэт-сатирик Саша Черный писал:

«С утра до ночи
Кто будет строить дирижабль?
Не раб ли?
О, нет — рабочий.
Зачем? Чтоб есть и пить.
А сам он будет ли парить?
Едва ль. Покуда руки не ослабли,
Он будет строить дирижабли —
Когда же тут парить!»

Ровно двадцать пять лет тому назад в «Сатириконе» перспективы оте-

чественного дирижаблеплавания представлялись в таком виде: едет телега, а к ней привязан дирижабль и под рисунком ехидная подпись:

«Так, пожалуй, быстрее...»

Перспективы парашютных полетов — зонтик, уносящий обывателя с аэродрома в ветренную погоду.

И еще карикатура — иронический пессимизм по адресу воздухоплавания, отданного в руки царской бюрократии:

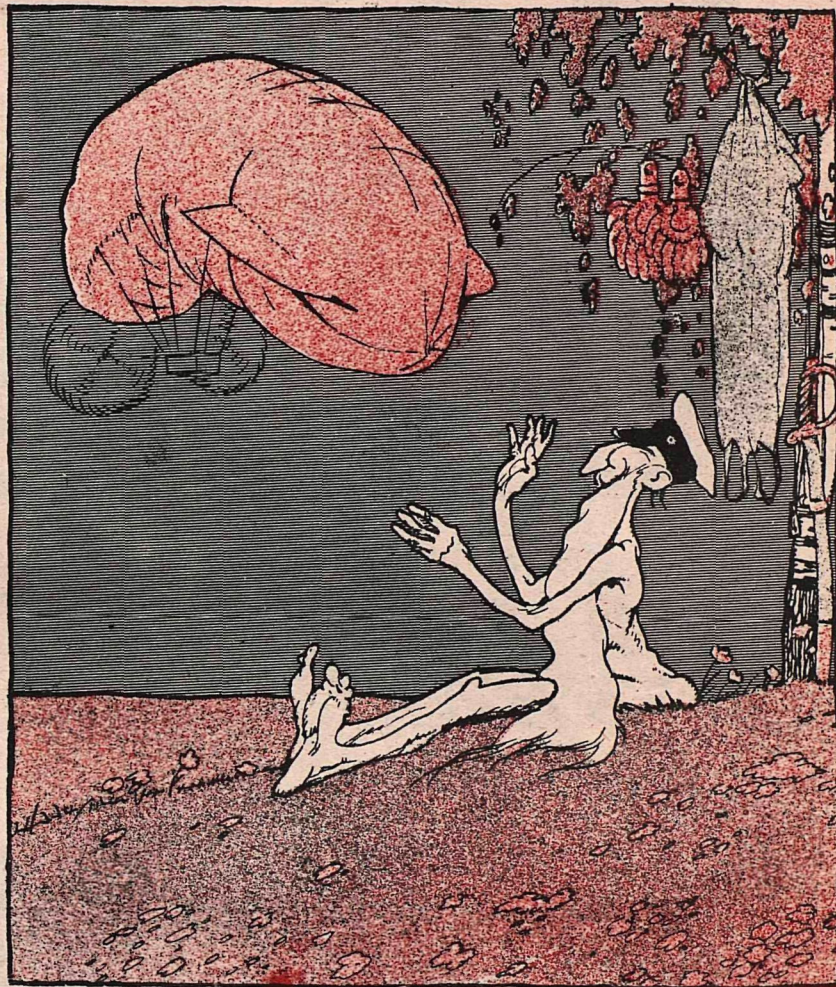
«Если бы ей удалось высидеть хоть маленький монопланчик...»

Предлагаем нашим читателям самим сделать заключительные выводы и подсчитать: сколько рабочих сейчас являются уже водителями воздушных кораблей, сколько рабочими-парашютистами поставлено рекордов и какие авиоэскадрильи зареяли над нашей Советской страной вместо «маленького монопланчика»...

АВИАЦИОННАЯ НЕДЕЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ
Единственный моноплан русской системы, который полетел (работает без пропеллера).

(«Сатирикон», 1910 г.)

— Если бы мне снести и высидеть хоть один маленький монопланчик на пользу русского воздухоплавания.

(«Сатирикон», 1910 г.)

К Р О К О Д И Л!

ЧИТАТЕЛЕЙ

По этой карте можно прямым путем ехать из Ростова через Краснодар в Туапсе.

Сейчас мы сидим в Краснодаре и тщетно ищем железную дорогу, которую построили на карте товарищи из Укрсовода.

За выпуск такой карты укрсоводовцев надо всячески ругать.

За восприятие же перепечатки безграмотной карты их надо горячо похвалить.

Группа пассажиров застрявших в Краснодаре: И. ПОЛУНИН, В. СИНАЙСКИЙ, А. КРАЙЗ, С. КУШНЕР, Б. ЧЕРЕПЕННИКОВ и З. ЛУКИНА.

Краснодар.

Дорогой Крокодил!

Прости, что я на твоих страницах хочу разрешить проблему яичницы, но и яичница имеет право голоса, когда с ней творят безобразия. На пароходных пристанях по реке Белой, а отчасти и Камы десяток яиц даже самый неопытный пассажир может купить за 3 р. 50 к., — 4 р. Масло — за фунт 4 р. А на том же пароходе, с которого пассажир выходит на берег, яичница из трех яиц, к тому же еще на маргарине, стоит 4 р. 50 к. На берегу буквально за гроши продаются великолепные ягоды, а в буфете в качестве сладкого только горячие клюквенные кисели. Пароход плывет по

воде, в которой, как известно, водится рыба, а в пароходном меню только свинина и баранина. На все вопросы пассажиров буфетчики отвечают тяжелым вздохом и информацией о первопричинах: «Буфетное объединение».

Разреши мне спросить тебя: действительно ли существует такое «Буфетное объединение» или это псевдоним просто буфетного безобразия обычных нарпитовских инстанций?

ИВ. БЛАЗОВ.

Ст. Дюртюли.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 704.

Сдача текста и рисунков 27/VII-34 г.

Подпись к печати — 7/VIII-34 г.

Статформат А9—220×333.

Печатных листов 2.

Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный лавалита № В — 94802.

Филиал тип. газ. „Правда“, изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Сущевский вал, 49.

Зак. № 630.

Тираж 225.000

Оформление Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. „Правда“. Фотомазанки — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печати. отд. Дрожеников.

25209 - ЗАКОННОЕ СОЖАЛЕНИЕ

Рис. Ю Ганфа

Умер известный парфюмерный фабрикант и фашист Франсуа Коти.

— Как жаль, что не сохранился обычай древних викингов: хоронить вместе с вождем и всех его приближенных...